

ский, добрый граф Жан де Суасон, мессир Эмбер де Божо, верховный коннетабль Франции, смелый рыцарь Бодуэн д'Эбелин и его брат Гюи.

Те, кто доставил нас на корабли, заставили наши суда встать перед лагерем, который султан разбил на берегу реки, и показали нам, как он устроен. Прямо перед ним стояла вышка из еловых стволов, полностью затянутая крашеным полотном, которая служит главным входом в лагерь. За ней – шатер, где эмиры оставляют свои сабли и другое оружие, когда идут говорить с султаном. Сразу же за ним – другая вышка, точно такая же, как первая. Она дает доступ в огромный шатер, который служит своего рода залом султана. Рядом стоит еще одна вышка, похожая на остальные, что ведет в личные помещения султана. К ним примыкает двор, где в середине вздымается вышка размерами выше всех прочих, на которую султан поднимается, когда хочет осмотреть местность вокруг лагеря или увидеть, что в нем делается. От двора спускается проход к реке, где над водой раскинут большой навес для султана, здесь для него устроена купальня. Все это расположение окружено бревенчатой стеной, с внешней стороны затянутой синим полотном – точно таким же, что пошло и на вышки, – так что оттуда невозможно увидеть, что происходит внутри.

К месту, где был разбит лагерь, мы подошли в четверг, как раз за неделю до дня Вознесения Господня. Четыре галеры, на которых все мы находились в заключении, встали на якорь перед жилищем султана; короля доставили в соседний шатер. Султан потребовал, чтобы Дамиетта была передана ему в субботу перед днем Вознесения, – и в тот же день он освободит короля.

Те эмиры, которых султан убрал из своего совета, чтобы ввести в него своих людей, решили провести встречу. Умный и хитрый сарацин обратился к ним с такими словами. «Мессирсы, – сказал он, – вы знаете, как султан опозорил и обесчестил нас, лишив высоких постов, дарованных нам его отцом. Посему вы можете быть уверены, что, едва только он укрепится в таком мощном городе, как Дамиетта, он всех нас арестует и бросит на смерть в тюрьму, как его дедушка поступил с эмирами, взявшими в плен графа де Бара и графа де Монфора. И сдается мне, что куда лучше покончить с ним прежде, чем он ускользнет из наших рук».

Эмиры встретились с телохранителями султана (той самой халкой) и сказали этим людям, что они должны убить султана сразу же после обеда, на который и они были приглашены. Что и случилось, когда с блюдами было покончено и султан, отпустив своих эмиров, собирался удалиться на отдых в свой шатер. Один из его телохранителей, носитель меча султана, нанес удар этим самым мечом по руке своего хозяина и отрубил ему четыре пальца. Султан повернулся к эмирам, которые и подвигли телохранителя на такой поступок, и сказал им: «Спасите меня, мессирсы, от моих телохранителей. Вы же видите, что они хотят убить меня». И тут все телохранители закричали хором: «Как и было сказано, мы хотим убить тебя! Лучше так, чем позволить тебе убить нас!»

Был дан сигнал ударить в барабаны и литавры, и вся армия султана собралась узнать, какие отданы приказы. Эмиры сообщили, что Дамиетта взята; султан отправляется туда и приказывает им следовать за ним. Войска вооружились и помчались к Дамиетте. Когда мы увидели, что они направляются в ту сторону, то глубоко опечалились, потому что решили, что город перешел к врагам.

Тем временем султан, который был молод и щеделушен, вместе с тремя своими имамами, которые обедали с ним, торопливо поднялся на вышку. Он ее возвел, и она, как я уже рассказывал, стояла за его помещениями. Члены его личной охраны, пятьсот всадников, снесли его шатер, окружили вышку, на которой султан и имамы нашли убежище, и стали кричать, чтобы он спускался. Он сказал, что сделает это, но только если ему пообещают сохранить жизнь. Они сказали, что заставят его спуститься, и напомнили султану, что он не в Дамиетте. После этого они пустили в него греческий огонь, и вышка, сделанная, как вы помните, из сухих досок и полотна, занялась пламенем. Сгорела она быстро, никогда раньше я не видел таких языков огня.

Как только султан увидел, что пламя пожирает вышку, он сбегал вниз и кинулся к реке по тому проходу, о котором я уже упоминал. Его телохранители саблями располосовали на куски его покрытие. Когда султан добежал до воды, один из его людей нанес ему удар копьем между ребер. Он продолжал бежать с копьем, торчащим из раны. Преследователи догнали его у самой воды, убили и кинули в реку, недалеко от того места, где стояли наши галеры. Один из телохранителей, Фаресс-ад-дин-Октай, нанес ему удар саблей и вырвал сердце из тела. С руки его капала кровь, и он подошел к нашему королю и сказал: «Что ты дашь мне за то, что я убил твоего врага? Остаюсь он в живых, то, конечно, убил бы вас». Но король не сказал ему ни слова.

На наше судно поднялись добрых тридцать сарацин с обнаженными саблями в руках и бое-